

18+

Андрей Хомутов

ШИЗОФРЕНИЗМЫ.
РАССКАЗЫ

Андрей Хомутов

Шизофренизмы. Рассказы

«Издательские решения»

Хомутов А.

Шизофренизмы. Рассказы / А. Хомутов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516593-0

Рассказы, в которых, переплетаясь, мистика и социальная фантастика описывают в гипертрофированном необычном виде некоторые современные социальные проявления обыденной жизни. Некто заходит вечером в гости на чай, с предложением купить часть мозга, оставив хозяину социально приемлемую часть. Люди, теряющие головы. Эпизод из общества вероятного будущего, в котором душа — рудимент, удаляется, словно аппендицит. О мужчине, рождённом в борьбе, о старике, что и в преклонном возрасте сохраняет мужское.

ISBN 978-5-00-516593-0

© Хомутов А.
© Издательские решения

Содержание

Шизофренизмы	6
Воздушный змей	6
Множество солнц	8
Открытое общество	11
Бессмертие	15
Рудимент	17
Адаманты. Хранитель душ	18
Старый пиджак	20
Рождение мужчины	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Шизофренизмы. Рассказы

Андрей Хомутов

© Андрей Хомутов, 2020

ISBN 978-5-0051-6593-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шизофренизмы

Воздушный змей

Дул равномерный умеренный ветер – весьма благоприятное условие для запуска воздушного змея. Этому занятию и предавался мальчишка утром выходного дня. Несмотря на яркое солнце, погода была достаточно прохладной, а лужи от вчерашнего дождя не успели высохнуть.

Утолив жажду игры и первые впечатления, мальчик почувствовал, что замёрз, и ноги, промоченные в лужах и сырой траве, совсем озябли. Он решил зайти в магазин погреться, а заодно прикупить сладостей на свои карманные деньги. А так как ветер продолжал уверенно дуть, то, чтобы не возиться со змеем, он привязал его за конец верёвки к ржавеющему пруту забора.

Отогревшись в магазине и увлечённый мыслями о приобретённых сладостях, мальчишка помчался домой, забыв о своей игрушке.

Ветер, дувший всё так же уверенно и равномерно, не давал воздушному змею упасть, а верёвка, привязанная к забору, не давала змею улететь. Паря в воздухе, и не ведомый, куда бы то ни было мальчишкой, змей стал осматриваться вокруг.

На противоположной стороне улицы он заметил столпившихся людей. Они о чём-то переговаривались друг с другом, некоторые держали в руках транспаранты, другие кричали и что-то требовали. Они обращали свои требования ни к кому-то из толпы, а обращались, казалось бы, к кому-то неопределённому, куда-то в никуда. Всё негодование собравшихся людей обращалось в эту неопределённость. А между тем толпа постепенно увеличивалась. На транспарантах стали различимы требования свободы. Толпа требовала свободу. Нет, не свободу кому-то лично, а вообще «свободу», для всех и для каждого, и во всём. Толпа была против различных ограничений.

Как же глупы эти люди, – подумал змей. Они могут разговаривать друг с другом, о чём захотят, они могут ходить куда захотят и когда захотят, а они стоят тут бестолково все вместе и не пользуются своими возможностями. Вот если бы мой хвост не был привязан к этому ржавому забору! Я бы летал, я бы кружил над деревьями и домами, я бы обследовал сверху все закоулки города! Как это здорово наслаждаться полётом, наслаждаться свободой! Глупые, глупые люди...

Змей так увлёкся своими мыслями, что невольно дёргал верёвку, которой был привязан к забору. Ветер к этому времени стал дуть порывисто, от чего натяжение верёвки то ослабевало, то усиливалось. В конце концов, верёвка перетёрлась о прут забора, и, не выдержав нового порыва ветра, порвалась. Воздушный змей, влекомый порывом ветра, и не удерживаемый более верёвкой, поднялся вверх.

Свобода! – обрадовался змей – теперь я получу куда захочу. Змей взметнулся в высь, поддерживаемый крепким ветром. Он направился к той самой толпе людей, которые не умели и не желали, как ему казалось, распорядиться своей свободой. Он летел, а ветер, дувший попутно, помогал ему, крепко раздувая его крылья. Змей ликовал. Подлетая к намеченной цели, он заметил перед собой широкую крону дерева. Он летел прямо на неё, рискуя столкнуться и запутаться в густых ветвях. Змей попытался повернуть и облететь дерево, но крепкий ветер нёс его напрямиком в густую листву. Сколько бы ни пытался змей повернуть, но лететь он мог только по направлению ветра, и в конце концов зацепился краем крыла за ветки, и остался висеть на дереве. Ветер стих, оставив мечты змея о путешествии, несбывшимися. В ветвях дерева змей думал о радости свободы, о горестях ограничений, пока новый порыв ветра не вырвал его из плена, вновь унося в сторону демонстрантов.

Солнце к этому времени поднялось достаточно высоко, воздух прогрелся, и ветер постепенно стихал. Редкими и слабыми стали его порывы. Воздушный змей, потеряв поддержку плотного потока воздуха под своими крыльями, медленно опускался вниз. Демонстранты, утратив эмоции, расходились. Совсем скоро улица опустела, только на земле лежал мусор – свидетельство скопления большого числа людей, и транспаранты. Из-под транспарантов торчало измятое крыло воздушного змея.

Множество солнц

Они называют меня Демиургом, Создателем, Всевышним, Богом, Творцом, Универсумом...

Им было дано отличное тело. Не то, что бы оно было полностью неуязвимо от внешних событий, но вполне позволяло решать насущные задачи бытия, и даже более того. Они даже, до некоторых пор, стали добиваться значительных результатов в совершенствовании этого тела. Но в последнее время они сознательно калечат своё тело, отравляют его, уродуют. И в этом они тоже добились значительных успехов.

Им был дан небывалый разум, о нераскрытых возможностях которого они до сих пор даже не догадываются. Они стали познавать природу, тайны мироздания и бытия. Не достигнув предела разума, не познав сколь либо существенной части мира, они вдруг пресытились. Они стали отравлять свой мозг, затуманивать его различными наркотическими веществами, потеряли интерес к знаниям и открытиям, погрязли в разврате и удовлетворении низших потребностей.

Им была дана прекрасная планета, они травят её бесчисленными отходами, разоряют землю, превращая в безжизненные пустыни степи и леса. Они сначала загрязняют воду, делая её непригодной для питья собственного, животных и полива растений, и потом страдают от засухи. Но всё ещё они имеют большие возможности для восстановления планеты, но не используют их.

Они теряют Веру в Высшую Любовь, и потому впадают в уныние, зависть, ненависть. Тогда разврат и похоть властвуют над ними, жажда потребить всё, что встретиться материального и чувственного.

Всё же я верю в них, они лишь сбились с пути. Оступились, споткнулись, и вот вместо тропинки, под ногами они почувствовали густую дикую поросль. Испугавшись, стали отчаянно шарить по земле ногами, озираясь, неуверенно шагать в сторону, в попытках вернуться на тропинку, но лишь отдалялись в сторону, в глушь, в темноту. И чем дальше отходили от тропы, тем темнее становилось, тем больше вязли ноги. В отчаянии и страхе кто-то побежал в сторону, не видя ни чего, на ощупь. Кто-то падал и кривлялся на земле. Некоторые присели и поползли на четвереньках, полагая, что так безопаснее. И лишь немногие вновь встали на тропинку.: кто-то на ту же с которой оступился, кто-то на иную.

Им нужен свет, и они вновь обретут путь. Беда лишь в том, что в своём отчаянии и страхе они забыли и боятся взглянуть вверх, чтобы по привычным и новым ориентирам встать на тропинку. Отвергают они все посланные знаки, и любую мою помощь. Есть ещё способ им помочь, может быть последний, может быть для меня... Я спущусь и буду среди них...

Ночью на город обрушился ливень. Скрылось во тьме звёздное небо, погрузился во мрак ночной город. Вместе с дождём и тьмой пришла свежесть. Этот свежий воздух почувствовался сразу, с первыми порывами ветра, теснившими старый застоявшийся воздух города, ещё до того, как пролились первые капли дождя. Ливень и сильный ветер бушевали всю ночь, успокоившись только к утру.

Неизбежен ход времени, всякий разгул стихии, начавшись, неизбежно заканчивается, точно так же, как ночь, начавшись, неизбежно заканчивается утром. Мгла отступила, и солнце, ещё невидимое над горизонтом, уже освещало город. Маленькие осколки солнца отражались во множестве капель на листьях деревьев, травинках, лужах, во всём, что подверглось ночному разгулу стихии.

Солнце уже поднялось над линией горизонта, и заливало город жёлто-оранжевым светом, какой бывает лишь тёплым утром. Краски зари, хоть и похожи, но отличаются от красок заката. Небо было чистым и казалось бесконечным. Его ярко-синий цвет был удивительно однород-

ным, без единого тёмного или светлого пятнышка. Сам этот ярко-синий цвет казался неестественным: таким он бывает в морозный осенний день. Оно казалось холодным, хрупким, безжизненным.

Солнце уже полностью показалось над линией горизонта, когда отворилась дверь подъезда обычного пятиэтажного жилого дома, коих построено множество. Из подъезда вышли молодой мужчина и женщина. Они негромко ругались о чём-то своём. Скорее даже не ругались, а внешне выглядело это так, будто женщина недовольно высказывалась и попрекала мужчину, а он больше молчал и иногда отвечал ей. Ответы его были весьма коротки, и судя по всему, столь же просты и незамысловаты. Со стороны казалось, что слова его были словно удары молота – вылетали резко, чётко, с равными интервалами времени. Казалось, высказываемая мысль забивалась словами словно молотом.

– Ты опять поставил машину в самой грязи, смотри какие лужи вокруг! Я замочу ноги! – раздражённо упрекала женщина, – Вечно у нас так!

Мужчина сжал губы, его брови хмуро сошлись. Он уже собирался что-то ответить женщине, и в этот момент ступил на мокрый от дождя тротуар. Капельки дождевой воды попали на его туфли, и в них сразу же сверкнул яркий огонёк солнца. Мужчина повернулся к своей спутнице, остановившейся позади, лицо его расправилось, и он произнёс: «Постой здесь, я подъеду. Лужи большие. Ты промокнешь».

Машина подъехала и остановилась вдоль тротуара, напротив крыльца. Женщина спустилась с крыльца, ступила на мокрый тротуар, открыла дверь машины, и садясь прихватила с собой несколько капель, когда заносила первую ногу. Капли ярко сверкнули под солнечными лучами. В каждой из них светилось по одному маленькому солнцу.

– Спасибо, дорогой. Я что-то не в настроении с утра. Ты не сердись, – черты её лица совершенно разгладились, она потянулась к мужчине и нежно поцеловала его в шею.

Машина плавно тронулась с места и уехала.

На окраине города, у безлюдной дороги, покидающей город и уходящей из него вдаль, стояли двое мужчин средних лет. Слегка отёкшие и одутловатые лица их, ровно, как и потёртая, хотя и не старая одежда, выдавали их беспорядочный и случайный образ жизни. Какой-то отрешённый, безучастный взгляд выражал безразличие ко всему окружающему. Будто кто-то с неведомой целью или в наказание забросил их в это бытие отбывать срок. Презрительное безразличие к происходящему, к жизни своей и жизни чужой, выражал весь их вид, дополненный отпечатком испытываемых физических болей.

Так и стояли они однообразно и бестолково, и перекидывались редкими короткими фразами. Только свет маленьких солнц в дождевых каплях, перенесённых ветром с листьев ближайших деревьев на одежду мужчин, оживлял это однообразие.

Их внимание привлёк одиноко идущий мужчина, возраста, приближающегося к преклонному, одетый хоть и просто, но опрятно. Они окрикнули и нагнали его, что-то говорили с неприятной натянутой улыбкой. Но очень скоро разговор перешёл в активные неприятные действия. Цель праздных мужчин была ясна: добыть средства к привычному одурманенному проведению времени, которого в их праздной жизни был излишек. Через совсем непродолжительное время двое мужчин, потирая локти и плечи, уходили по дороге прочь, а третий остался лежать на земле. В это время погасло три разных отражения солнца.

Солнце поднялось ещё выше, уже не просто освещая двор жилых многоэтажек, но и начало согревать воздух. Именно в это время во двор стали выбегать ребяташки. Некоторые из них со звонким смехом бежали по двору, топая по лужам. От этого топота из луж летели во все стороны брызги, каждый из которых хранил в себе маленькую частичку солнца, тем самым множа и усиливая небесное светило.

Другие ребята бежали по мокрой траве, покрывая себя и окружающих ребят яркими каплями.

– Витенька! Перестань бегать по лужам и валяться в траве! Промокнешь и замараешься – кричала резвившемуся забавному карапузу, высунувшаяся из окна женщина.

Витенька отошёл в сторону, сел на скамейку и с понурой головой болтал ногами. Совсем скоро Витенька совершенно обсох, и не было на нём ни единой капельки, ни единого солнышка не блестело.

А дети продолжали резвиться, и яркие капли попадали на редких утром прохожих, и прохожие улыбались, глядя на счастливых детей.

Открытое общество

Обычный будний день, каких прошло уже множество, и, кажется, пройдёт ещё бесчисленное количество. По улицам неспешно прохаживаются редкие горожане, большинство горожан заняты делом, кто-то отдыхает. Вдоль оживлённой улицы протянулись стены длинного серого здания. Это были совершенно глухие стены, не было в них ни привычных окон, ни дверей. Конечно же, здание имело двери, возможно, и окна, но были они скрыты от глаз простого обывателя, возможно где-то во дворах, куда обычный горожанин не совал любопытный свой нос, да и вряд ли бы смог сунуть. Просто горожане знали, что это здание администрации, управляющей городом.

И не зачем было горожанину видеть, какая шла работа за стенами этого здания, кто входит, и кто выходит из него, как и какие принимаются судьбоносные для города в целом и для каждого горожанина в частности решения. А горожан не сильно-то и заботило, что творилось за этими стенами, хватало и того, что здание не пустовало, работа в нём кипела, и из недр своих оно рождало указы, уставы, правила и многое ещё чего интересного и совсем не интересного. Город жил своей размеренной организованной жизнью.

На улице, под стенами серого здания беседовали двое: «А я желаю знать, что они там делают! Бездельники они! И зарплату зря получают. Приходят штаны просиживать! А всё от того, что нет над ними общественного контроля. Необходимо, что бы властные структуры были подконтрольны обществу, что бы их деятельность была прозрачна. Мы наблюдать хотим, контролировать! Я хочу знать, что они там делают. Вот когда каждый из них будет помнить, что его работа видна каждому гражданину, вот тогда он работать начнёт. А так... это всё ерунда!». Собеседник, не возражал.

В разговор вступили проходящие мимо горожане. Раньше никто из них и не задумывался, что о деятельности администрации совершенно ничего не известно, а идея контроля, и открытости всем пришлась по душе. Постепенно группа горожан увеличивалась, бурно обсуждали механизмы контроля и пользу, которую этот контроль принесёт. Громче всех кричали недовольные сложившейся ситуацией.

Прохлада и свежесть солнечного утра сменились ярким полуденным солнцем и тёплым ветром. Приближался обед, но толпа не расходилась. Горожане, заинтересованные шумом, воспользовались обеденным перерывом, чтобы посетить митинг, взглянуть на происходящее. Часть, решивших отказаться от хлеба ради зрелищ, присоединились к толпе несогласных, безответственно побросав свои рабочие места.

Под длинными глухими стенами здания растянулась толпа митингующих. Собрались недовольные всех мастей. Из них, недовольных, собственно деятельностью правления города, была малая часть. Желание поворчать, посплетничать и побузить, сплотило и собрало в одном месте толпу горожан, прикрывающихся благими лозунгами открытости общества, контроля над служащими и подобными идеями. Толпа впитывала в себя новых горожан, тех, кто шёл сюда митинговать, и даже тех, кто митинговать и не собирался, кого всё, в общем-то, устраивало.

Обед плавно перетёк в вечер. Толпа не расходилась, она росла. Теперь, после рабочего дня сюда стекались любопытные и праздные. Многие оставались. Толпа гудела, она производила столько шума, что на соседних улицах стало сложно не только разобрать лозунги, но и вести негромкую беседу. Так один день сменился другим.

День за днём толпа митингующих разрасталась, громкие лозунги доносились уже до соседних улиц. Митингующие вдруг показались активными, равнодушными горожанами. Они словно заботились обо всех горожанах. Быть против, ругать и хаять, означало теперь – иметь гражданскую позицию, быть равнодушным к жизни города. Толпа уже перекрыла всю

улицу, расползлась через перекрёстки на соседние. Там, на соседних улицах, кричали те же лозунги: «Мы против!», «Да – гражданскому обществу!», «Мы хотим знать!», «Общественный контроль». С этих улиц не видно злополучного серого здания, оно и сейчас здесь мало кого интересовало. Серое здание до сих пор не вызывало интереса у горожан.

После долгого молчания из серого здания правления города пришёл ответ, о готовности пойти навстречу горожанам: в стене, выходящей на открытую улицу, сделают большие окна. Каждый гражданин города, может в любой момент заглянуть в окно и «проконтролировать» как идёт работа управления, и чем занят чиновник. Причина волнений решилась, митингующие нехотя разошлись. Собранным хотелось ещё жаловаться на несправедливость и притеснения, хотелось друг другу посочувствовать. Но повод для пикета пропал – толпа разошлась.

Началась стройка. Вдоль стен здания выросли строительные леса, тротуар под стенами огородили крытым переходом. С утра до вечера строители ведут работу. Шумит строительный инструмент, громяхают грузовики, вывозящие мусор. Неудобства для горожан получились значительными, но это временно, зато, когда работы закончат, вот тогда – открытое общество, контроль и процветание. Тогда любой горожанин сможет проконтролировать чем сейчас занят чиновник, какую он ведёт работу. Никто не скроется от зоркого, неутомимого общественного контроля. Надежда на светлое открытое общество смягчала неудобства, вызванные строительными работами.

Наконец, отгремели грузовики, затихли строительные инструменты, освободились стены от строительных лесов. Обновлённые стены серого здания предстали перед горожанами. Вдоль всей стены здания ровными рядками расположились большие окна. Эти окна привлекли большое внимание горожан. Несколько дней и ночей подряд у каждого окна толпилась кучка любопытных горожан. Они заглядывали в окна, стремясь разглядеть жизнь обитателей здания. Вскоре интерес жителей к окнам пропал, только несколько горожан продолжали регулярно дежурить у окон серого здания – они ревностно следили за работой чиновников.

– Ты можешь понять, что у них там происходит? – спросил один горожанин другого.

– Бумаги какие-то изучают, обсуждают что-то, а что обсуждают непонятно.

– Обманули нас! Какой же это контроль получается, если мы не видим, что они там подписывают и обсуждают? – нервно высказался третий, – может они нам налоги повышать собрались. Хорошо же нас обдурили с этими окнами! Только и можем знать кто во сколько пришёл, и во сколько ушёл, да сидит ли он на месте в рабочее время. А может он там просто так сидит! Какая нам от него польза? Никакой пользы! Нееет, я слышать хочу, что они там обсуждают!

Остальные социально активные горожане, дежурившие у окон с раннего утра, согласились, что для контроля чиновников одних лишь окон мало. Необходимо слышать, о чём ведут речь в кабинетах. Как-то постепенно, обсуждение громкость обсуждений всё увеличивалась и увеличивалась. Вот уже послышались выкрики. И вновь началось волнение под стенами серого здания, вновь пошла буза недовольных. Опять образовалась толпа митингующих, сбегались сюда недовольные со всего города. Шум, гам, беспорядок наполнили улицу.

На этот раз ответ из серого здания пришёл быстро. В послании горожанам обещалось оснастить окна с внешней стороны воспроизводящими устройствами. Любой горожанин сможет подойти, заглянуть в окно, нажать на кнопку у окна, и воспроизводящее устройство сразу же начнёт передачу звука из комнаты. Такое предложение устроило столпившихся горожан – толпа быстро разошлась.

Совсем скоро обещание оснастить окна воспроизводящими устройствами было исполнено. Горожане из интереса приходили к серому зданию, заглядывали в окна и слушали о чём ведут речь чиновники. Удовлетворив любопытство, горожане потеряли интерес к новым устройствам и перестали подходить к серому зданию, у каждого были свои заботы. Под окнами

здания остались дежурить только самые бдительные, дисциплинированные и преданные делу общественного контроля горожане.

Вот эти горожане вскоре заметили, что время от времени в кабинеты приходит посыльный со стопкой карточек. Он выкрикивает фамилию местного чиновника, тот подходит к посыльному расписывается в получении карточки, потом быстро возвращается на своё место, и начинает рыться в бумажках, что-то подписывать, подкладывает в папки, в общем проявляет бурную деятельность.

– Я не понимаю, что там написано в этих карточках! – восклицал бдительный горожанин, тщетно пытаясь что-то разглядеть через окно.

– И почему они никогда не обсуждают эти карточки?! Они всегда, как только получают карточки сразу бегут исполнять какую-то работу! Наверное, в этих карточках что-то очень важное. А мы и не знаем, что там написано. Так это оставлять нельзя!

Опять улицу заполнили праздные и равнодушные горожане, готовые по первому крику. Опять шум и крики разнеслись по соседним перекрёсткам. Митингующие требовали полной прозрачности работы чиновников, они желали знать содержание карточек.

Новое требование горожан было удовлетворено. Теперь посыльный выкладывал карточки на стойку перед окном. Не ранее чем через час, чтобы дать возможность горожанам ознакомиться с карточками, и не сильно замедлять работу чиновников, адресат мог забрать карточку для исполнения.

Горожане ликовали победе. Наконец-то достигнута прозрачность. Теперь работа чиновников находится под неусыпным контролем активных горожан. Ещё пристальнее стали они всматриваться в окна серого здания, внимательно и подолгу слушать разговоры. Содержимое карточек, некоторые особенно бдительные горожане, переписывали в личные записные книжки. Записи в книжках перечитывались и многократно подробно обсуждались.

Жизнь города текла своим чередом. Все службы продолжают исправно работать, транспорт ходит по расписанию. Продукты в магазины завозятся по мере надобности. Службы уборки и порядка работают столь расторопно, что создаётся впечатление, будто чистота в городе – состояние естественное. Есть ещё к чему в городе приложить усилия, хотя жизнь вполне комфортная. Такой отлаженный распорядок в городе некоторые горожане связывали конечно же с общественным контролем.

Со временем бдительные горожане заметили, что записи в карточках на окнах серого здания администрации становились менее интересными, бессодержательными, и непонятными. Наконец, дошло до того, что карточки содержали совсем уж простые и конкретные указания: такому-то служащему срочно исполнить приказ такой-то, или ответить на письмо от указанной даты. Вместе с тем, бдительные горожане заметили странные дела в сером здании.

В определённые дни служащие выходили из кабинетов, длительное время отсутствовали, но из здания не выходили. Возвращались они оживлённые, ни о чём особенном не переговаривались. Никто из них не рассказывал, где был и что делал. Такое поведение служащих, и регулярный исход из кабинетов, стали тревожить бдительных горожан. Горожане заподозрили неладное. Наверное, какие-то важные решения принимаются теперь вне кабинетов, когда служащие выходят. А в кабинетах с окнами служащие только исполняют принятые решения.

Догадавшись о хитрости чиновников, бдительные горожане взбунтовались не на шутку. Они почувствовали себя обманутыми. Снова под контроль горожан подставили какую-то ширму, прикрывающую реальные действия. Мгновенно, словно пожар, вспыхнул митинг. Дежурившие горожане надрывно требовали разогнать всех служащих из серого здания. Такие лозунги привлекли внимание остальных горожан, теперь равнодушных не было, толпа быстро разрасталась.

Вся масса народа навалилась на, ставшее ненавистным, здание администрации. Треснули стёкла в окнах, где-то послышался звон расколовшегося стекла. В окна уже влезали самые

активные и решительные. За ними, наваливаясь от нетерпения, выстроились другие. Бежать к дверям не хватало терпения. Вскоре и через двери хлынула толпа разгорячённых горожан. Они врываются в кабинеты, вытаскивали из шкафов и столов папки с документами, и с ликующими криками наперебой читали вслух.

Вакханалией погрома скоро насытились. Большинство горожан не очень-то утомлялись чтением, ставших доступными, документов. Беспорядок в документах, от погрома, не передавал целостной картины, а терпения и времени на разбор не хватало. Горожане разошлись, и принялись за свои привычные дела. Всё как-то быстро успокоилось. Но ушли не все.

В кабинетах появились новые хозяева, новые служащие. Теперь все документы дублировались на общественном стенде. Правда для переписи документов на стенд, пришлось увеличить штат служащих, и несколько сократилась скорость обработки документов, но это мелкие сопутствующие жертвы во имя прозрачности и открытости.

За всей этой суматохой, как-то незаметно начались перебои с поставкой продовольствия в магазины, уборкой мусора. Дворы и малые улицы, в ночное время, уже освещались не регулярно. Неудобства, как представлялось, временные.

Вдруг, без объяснений, пропал общественный стенд, с документацией серого здания администрации. Горожане сначала отнесли это событие к ремонту или переносу в другое, более удобное место, а со временем свыклись с закрытием стенда. Вслед за пропажей стенда, вдруг, на конах здания администрации появились лёгкие прозрачные занавески, после занавесок жалюзи. Вскоре окна закрыли наглухо. А в одно утро неожиданно горожане заметили забор, вокруг серого здания.

Бессмертие

Всё закончилось, я умер. Я знаю, что я, вроде бы, умер, все вокруг знают. А между тем, я всё это вижу, как будто изнутри, иногда – со стороны. Я просто знаю о этом, что это именно так. Как бывает во сне: знаешь, что именно так; как исходные данные для задачи – знаешь, что они заданы, и находишься внутри этой заранее определённой данности. Так и здесь – просто задано, что умер – вот такая данность, вот такие теперь условия у задачи.

Непрерывность пространства и времени нарушена: моргнул – и нет целой цепочки событий, и время проскочило вперёд. Вот сейчас вижу – хоронят. Снова мгновение темноты и тишины – вижу уже в могиле. Никогда не знал, да и не задумывался, как это может выглядеть, просто знаю, что именно там. Темно здесь. Ни света, ни звуков, ни, даже, запахов, нет счёта времени, сколько прошло неизвестно.

Лежу и вижу, как земля надо мной в один момент раскрылась, и яркий белый свет ворвался и залил моё новое пристанище. Какая-то сила потянула меня вверх наружу к свету, к жизни. Что-то будто обволакивало меня, придерживало со всех сторон и тянуло за руку.

Вот я и на земле в мире живых, и сам будто живой. Он, тот, кто вытащил меня, стоит рядом, он невидим и не осязаем мной, но как будто вижу его, т.е. я точно знаю каков он, и что стоит рядом.

– Привет. Я помогу тебе. Жизнь вечна, практически вечна, смерти может и не быть, а бессмертие очень даже возможно. Я помогу тебе. – Говорил он.

Он, держа меня за руку, увлекал вперёд за собой. Мы шли не быстро, а казалось, что летим над поверхностью земли. Сделал шаг, а вперёд переместился будто бы и пробежал значительно. Шагали мы спокойно, а между тем, поле, из глубины которого меня извлекли, стремительно отступало назад, и лес за полем отступал, тёмный, густой. Что-то тёмно-зелёное огромное и обволакивающее чувствовалось позади. Впереди уже показалась окраина города. Здесь город втыкался редкими высотными домами в серо-синее полотно неба, густо заляпанное грязными вздутыми рыхлыми облаками. Воздух был остывшим и свежим, хотя и не холодным.

Мы вошли в город. Люди, ходившие по улицам города, нас совершенно не замечали. Они не замечали нас даже, если мы сталкивались с ними лицом к лицу – они проходили мимо.

– В чём же это бессмертие, эта вечная жизнь? Это души умерших? Кто они? Они нас не замечают. – Обратился я к своему спутнику. Я повернулся в его сторону и говорил в пустоту, я лишь знал, что он стоит здесь с боку, я ощущал его присутствие, хотя не видел и не осязал его.

– Это самый обычный город с совершенно обычными живыми людьми. Хотя они действительно не ощущают нашего присутствия. Пока не ощущают. Скоро ты всё поймёшь. – Отвечал он мне, и мы шли дальше.

Постепенно среди всех прочих людей стали встречаться нам люди несколько странные: они о чём-то разговаривали, одни, но в то же время не сами с собой, а с кем-то, а с кем – не понятно. Наконец нам встретилась девочка. Она увлечённо беседовала, но беседовала она с нами. По всему было видно, что разговор этот длился давно, хотя мы только-только повстречали её, и сами с ней никакого разговора не вели прежде. При этом, казалось, нет, я точно знал, что спутник мой знает всю нашу беседу с ней, он что-то ей рассказывал интересное. Я вдруг стал ощущать действительность этой девочки. Голосок её становился всё более реалистичен, осязаем. Глазки её заблестели, и сама она будто чувствовала наше присутствие, несколько не тревожилась, и не боялась.

Осмыслив новую ситуацию, я стал замечать вокруг всё больше людей, вот так же, как эта девочка, беседовавших с нами. Их голоса сливались в общий гул, а между тем, каждый отдельный разговор выделялся из общего гама и был разборчив и понятен. Общий гвалт то распадался отдельными беседами, то вновь сливался в один поток, не теряя при этом ни еди-

ного смысла и порядка всех его составляющих. Для каждого нашего собеседника мы становились как будто ближе, дружнее.

– Кто эти люди, и почему они так отличаются от тех прежних, которых мы встречали в городе? Я чувствую себя иначе рядом с ними. И сами становятся другими в чём-то отличными от остальных, в них становится больше жизни. – Снова обратился я к своему спутнику.

– Понимаешь, раньше я был писателем, я писал книги, разные. А эти люди читают мои книги, мы так беседуем: я им рассказываю, а они слушают, иногда они отвечают. С некоторых пор я очень люблю общаться. Помню, как это случилось в первый раз. Мне было грустно и одиноко, и вдруг я услышал голос. Он обратился ко мне, и я ответил. Я заговорил, я стал много говорить ему. Мы долго беседовали, и даже спорили, но расстались друзьями. С тех пор мы часто с ним болтали и продолжаем до сих пор. Потом уже стали появляться другие собеседники. Иногда мы собирались небольшими компаниями и говорили, говорили, говорили. Время летит незаметно в такие моменты, у меня его много и мне нисколько не жалко, а им так бывает приятно. – При этих словах мой собеседник так мило и снисходительно улыбался, что и мне самому стало как-то легко и спокойно. Мы шли дальше.

Все те люди, которых мы сейчас встретили – это были его собеседники, не мои. Я не испытывал того контакта с ними, который испытывал он, и они совсем меня не ощущали. Мы продолжали идти по городу, и вышли к широкому проспекту. Здесь я заметил, что к нам присоединился третий. Он был похож на моего старого спутника – такой же невидимый, но явно присутствовавший. С его приходом я испытал новые ощущения: тепло человеческого тела, прикосновения, чувство надёжности и покоя охватило меня.

– Он раньше был строителем и архитектором, строил дома и различные здания. – Кивнув в сторону нового знакомого, пояснил мой старый приятель, предвосхищая мой вопрос.

Дальше мы шли втроём. Но и эти новые ощущения были скорее нового приятеля, чем мои. Я испытывал их посредством его. Постепенно к нам присоединялись всё новые и новые спутники, добавляя новые ощущения или меняя прежние. Но как только кто-то из спутников отдалялся от нас, вместе с ним пропадали и те ощущения, которые он приносил с собой. Наконец мы снова остались одни с писателем.

– Ты так и не встретил ничего своего, наверное, я не смогу тебе помочь. – С грустью сказал он мне.

И снова какая-то неведомая сила потянула меня в поле у леса. Я летел назад всё быстрее и быстрее, а он всё стоял напротив меня совсем близко и с сожалением смотрел мне в глаза. Вот я уже видел окраину города, а за спиной чувствовалось поле и лес за ним – что-то тёмно-зелёное огромное и обволакивающее чувствовалось позади.

– Извини, я не смогу тебе помочь, видимо, ты смертен. Прощай. – С этими словами я провалился в недра зелёного поля и лёжа видел, как смыкаются на до мной недра, и обширное, бескрайнее прежде небо обрамляется тёмной рамкой, оно становится в этой рамке всё меньше и меньше, и, наконец, совсем превращается в точку. Исчезает последняя точка, становится совсем темно. Глаза мои закрываются.

Я открыл глаза, вижу привычные стены и потолок моей комнаты, сам я лежу на диване. Солнце уже поднялось над горизонтом. Сознание окончательно вернулось после сна. Хорошо, что сегодня выходной – можно поспать подольше, можно спать хоть до обеда, хоть весь день можно спать. Или нельзя...? Я встал с постели и подошёл к окну. На улице бежал человек в тренировочном костюме. Он просто бежал. Отсюда он кажется совсем маленьким и одиноким, но всё равно бежит. И мне вдруг тоже захотелось бежать. Я согнулся перед окном, скрутился как пружина, и, выпрямившись, потянулся руками вверх. Высоко в небе летел самолёт, многотонная громадина – результат труда многих людей.

Рудимент

В светлом коридоре больницы было пусто, из окна разливался по полу яркий солнечный свет. С улицы, через открытое окно, тянуло прохладой тенистого, от густых крон деревьев, воздуха и ароматом цветущей сирени. На диване у одного из кабинетов сидел, ожидая своего приёма, старик. В его глазах сиял блеск и задор, а из уголков глаз в стороны расходились лучами несколько морщин, похожих на линии. Дверь приёмного кабинета отварила, и пациента пригласили войти.

В кабинете за столом у окна сидел доктор – средних лет мужчина с коротко стриженной бородой, плотно облегавшей его щёки, скулы и подбородок. Кроме бороды, в его лице выделялись ровные густые брови и тонкий прямой нос. Выражение его лица было спокойным и слегка снисходительным, однако блеск и живость глаз несколько противоречили этому невозмутимому спокойствию лица.

– Присаживайтесь. На что жалуетесь?

– Боли у меня в груди случаются, доктор. А бывает, там будто пустота, большая такая, и сердце вдруг стучать начинает сильно. А ещё, доктор, – старик начинает неуверенно мяться в нерешительности, но собравшись, продолжил, – иногда такое настроение, что летать охота или петь. Вы, доктор, не подумайте, что я того... Я же Вам как на духу. Ежели болезнь, так я лечиться буду.

Доктор, осматривая пациента, продолжал опрос.

– Какие-то ещё странные поступки совершали в последнее время?

– Теперь я часто по утрам встаю пораньше и в окно смотрю, смотрю, как солнце встаёт. Оно утром аккурат в окно светит. Старуху свою звал, что бы и она тоже смотрела, да та ворчит только. Позавчера котёнка домой с улицы принёс – жалостливый такой сидел. Старуха моя не поняла, всё в больницу отправляла, вот я и пришёл. – Виновато улыбнулся старик.

– Всё ясно. – Спокойным голосом произнёс доктор, закончив осмотр. Это душа у Вас воспалилась, будем вырезать. Бывает. Случается. Не страшно.

– Как же это вырезать? – Испуганно переспросил старик.

– Да Вы не волнуйтесь. – Успокаивал его доктор. – Душа у современного человека – рудимент – недоразвитый, остаточный орган, бывший полноценным у наших далёких предков. Современный человек не использует душу, и вполне может прожить после её удаления. Операции по удалению души давно уже стали операциями рядовыми, сложностей не вызывают, и назначаются всегда при различных при различных заболеваниях и воспалениях души. За ненадобностью органа его, при заболеваниях, проще и быстрее удалить, чем лечить. В наше время рождаются дети уже без этого отжившего органа, а через некоторое время, он совсем исчезнет из анатомии человека, как исчезли когда-то хвост и большие крепкие когти. Вот Вам направление на операцию, и после удаления зайдите повторно ко мне на приём. – Доктор протянул старику лист направления, и закончил приём.

Старик вышел из кабинета и побрёл вдоль длинного коридора к выходу.

– Душу вырезать... Удалить... Надо же... Вот ведь придумали... Не буду! Жизнь прожил и ничего, а помру – так помру – стар я уже. – Бормотал себе под нос дед.

Он смял направление и бросил его в урну у входа в больницу. Спустился с крыльца, оказавшись под раскидистыми ветвями цветущей сирени. Солнечный свет и тень от листвы деревьев рисовали на тротуаре затейливый узор. Старик протянул вверх руку и сломил маленькую веточку сирени – Подарю своей старухе – ласково улыбнулся он.

Адаманты. Хранитель душ

– Мама, я пошла гулять! – раздался звонкий голосок маленькой девочки. Дверь хлопнула, и послышались шлепки сандалий по ступенькам. В одном из пролётов она заметила приоткрытую дверь, и мягкий белый свет, сочившийся оттуда. Девочка отварила дверь – в комнате сидел старик. Он сидел на стуле в центре комнаты, склонившись над сундуком. Девочка робкими шажками подошла к старику, и заглянула в сундук. Он оказался до краёв наполнен прозрачными адамантами. Девочка долго смотрела на них, а дед не обращал на неё внимания. Осмелев, она бережно с трепетом взяла пальчиками сначала один адамант, повертела его в руках, также бережно положила обратно, потом – другой, третий, четвёртый, и т. д.

– Как их много! Они все разные?! – с восхищением и трепетом первооткрывателя воскликнула девочка.

– Верно. Все разные. Ни одного одинакового! Иначе и быть не может! – ответил дед.

Он взял из ящика первый попавшийся адамант, и подставил его под луч света. Адамант имел множество граней и линий, разбросанных, казалось бы, беспорядочно по его поверхности. Но удивительнее казались грани внутри тела адаманта, хотя он и был цельным. Луч света прошёл через внешние грани адаманта, частью отразился, а частью прошёл внутрь. Здесь внутри свет, наткнувшись на первую грань, распался на несколько цветных лучей, а каждый из них, натываясь на другие грани, снова распался, и так множество раз, пока, наконец, не вышел наружу. Комната сразу же наполнилась яркими цветными бликами и лучиками.

– Дедушка, смотри! Солнечные зайчики! Как их много! – засмеялась девочка.

Старик повернул адамант под лучом света, и всё множество ярких лучей и пятен пришло в движение. Казалось, вся комната затанцевала. Девочка залилась радостным и звонким смехом.

– Ой, а этот совсем гладкий – девочка держала в руках адамант, похожий на куриное яйцо – гладкий матовый и непрозрачный. – Почему он такой, деда? Подставь, подставь его под солнечный лучик! – весело попросила девочка, протягивая в раскрытых ладонках странный адамант.

Дед снисходительно улыбнулся, взял девочку на руки и усадил к себе на колени. Он обнял её одной рукой, а второй – поднёс адамант к лучу света, и повертел его. Ничего не произошло – адамант не отражал разноцветных лучей, а, казалось, наоборот, даже поглощал часть света. Девочка, ожидавшая совсем иного, насупилась.

– Понимаешь, – начал дед, – это душа человека. Тот первый, который отражал яркие цветные лучи, он жил, не боясь испытать переживания. Случались в его жизни и радости, и горе, и боль. Всякая радость, удовольствие, восхищение оставляли на поверхности его адаманта новые грани. И каждые горе, огорчения, потери, оставляли грани внутри адаманта. Я зову это душевным опытом. Ни от чего не прятался этот человек: ни от печалей, ни от радостей. Потому и был он богат духовно. И сам, словно лучами освещал всякого, кто встречался с ним.

Тот последний, испытал однажды огромное разочарование. Переживал долго и сильно, и порешил оградиться от страданий, чтобы не испытывать больше печали. Оградился от всех словно скорлупой, и не тревожился больше ничем. Вместе с тем перестал он испытывать и радость, и любви не знал более, и дружбы ни с кем не имел. Всегда радость дружбы и любви может обернуться болью утраты, чего он страшно боялся. Люди, при встрече с ним, не видели огня в нём. Ничего не знали они от него: ни дурного, ни хорошего; и сами живого в нём пробудить не могли.

Разгладились со временем грани его адаманта, потускнел он снаружи так, что свет уже плохо проникал внутрь и не выходил наружу.

Девочка слушала рассказ старика, а глаза её блестели. «Надеюсь, никогда не придётся тебе также закрыться в себе – обратился старик к девочке – Будь же всегда открыта новым впечатлениям как сейчас. А теперь беги к родителям, они уж, наверное, потеряли тебя». Девочка спрыгнула с колен старика, пробежала несколько шагов, обернулась, помахала ему ручкой, и убежала совсем. Лишь озорные глазки её и невинная улыбка, да два хвостика по бокам ещё долго всплывали в памяти старика – тогда он слегка улыбался, и уголки губ тянулись чуть вверх, а уголки глаз – вниз.

Старый пиджак

Парковая аллея тянется прямой линией. Вдоль аллеи по краям растут ветвистые деревья и густой низкорослый кустарник. Солнце давно перевалило за зенит, и уже на полпути к линии горизонта, скрываемой парковыми насаждениями. Солнце теперь добавляет жёлто-оранжевый оттенок всему, к чему прикасается лучами.

По этой аллее идёт старик. Медленно, вялой походкой, опираясь о трость, он почти шаркает то одной, то другой ногой. Пиджак топорщится на выступающих лопатках сутулой спины и свисает на плечах, намекая на то, как усох его хозяин с тех пор, когда пиджак был впору. На голову старика почти до ушей натянута шляпа. Вообще старик одет не по погоде – старики вечно кутаются, даже при ярком летнем солнце.

Он прошёл уже боле половины аллеи, затратив не менее получаса, и успел притомиться. Потому, заметив скамеечку, присел на неё передохнуть. Старик выставил перед собой трость, опираясь на неё двумя руками, а подбородком – в руки. Со стороны могло показаться, что на скамейке сидит пустой костюм, а над ним висит шляпа. Так старик сидел и смотрел перед собой, о чём-то задумавшись. В парке пусто и его ничего не тревожит.

Старик уже почти погрузился в дремоту, когда услышал мерный неспешный стук женских каблучков по дорожке. Он открыл глаза – перед ним прошла молодая женщина. Это была женщина среднего роста, с распущенными вьющимися волосами ниже плеч, одетая в лёгкое платье, выгодно подчёркивающее её фигуру. Именно с таких женщин стоило бы ваять статуи богинь плодородия и любви. Приподнятая, упакованная элементами одежды грудь, сужающаяся талия, широкий крепкий таз, плотно обхваченный тканью платья. Платье, плотно обтягивающее грудь женщины, талию и нижний магнит мужских взглядов, свободно спадало ниже, так, что при каждом движении ног, дразнило возможностью приоткрыть тайну. Вид женщины при этом нисколько не был вульгарен, он лишь будил воображение, а сама дама – всего лишь молода и красива.

Именно её и увидел перед собой старик, сидя на лавочке. Он увидел её и замер. Но, если бы кто-то посмотрел на него со стороны, то заметил бы, что по контуру его лица, пиджака и шляпы, появилась тёмная тень. Она чернела, росла и, наконец, стала отделяться от старика. Она обрела очертания человека, сидевшего в той же позе, что и старик. Тень отделилась ещё больше, человек, образованный ею, поднялся и выпрямился. Тень постепенно проявлялась плотью. Это произошло быстро, в считанные секунды. И вот сторонний наблюдатель уже видит молодого атлетичного мужчину, а рядом на скамейке сидит пустой костюм: рукава пиджака висят на трости, а над ними висит шляпа.

Мужчина направился в сторону женщины. При каждом его движении, под одеждой перебивались мускулы крепких рук и плеч. В несколько упругих шагов он догнал женщину, приобнял рукой, и, склонившись к её уху, что-то прошептал. Она рассмеялась, чуть запрокинув назад голову, поправила волосы. Они пошли вместе увлечённо беседуя, всё дальше и дальше удаляясь от той скамейки, с сидящим на ней пустым пиджаком.

Когда они совсем скрылись за поворотом аллеи, пиджак дёрнулся, шляпа приподнялась над ним выше, старик оглянулся, медленно встал, опираясь на палочку, и пошёл дальше по аллее.

Рождение мужчины

К концу 21-го века развитие технологий и производства позволило человеку не испытывать каких-либо значимых физических усилий. Комфорт и безопасность достигли высших степеней, достаточных для беззаботной жизни. Человек конца 21-го века мог прожить жизнь, не испытав надобности в физическом напряжении. Технологии обмена и производства информации, социальная обустроенность исключали потребность волевого усилия. Все проявления жизнедеятельности человека должны были совершаться легко, без какого-либо усилия и дискомфорта. Основной идеей общества, определяющей все стороны жизни человека, стала фраза начала 21-го века: «если что-то делается тяжело, значит, оно делается не так». Это мерило прикладывается ко всему: учебе, работе, любви. Гуманистическая идея переродилась идолом, гуманизм из средства превратился в цель существования общества.

Установившиеся условия жизни наложили свой отпечаток и на человека своего времени. Сгладились социально-половые роли между мужчинами и женщинами конца 21-го века. Внешний вид большинства из них по-прежнему соответствовал нашему привычному пониманию мужчины и женщины, при этом что-то неуловимое их отличает от человека начала 21-го века. Особенно это проявилось в мужчинах – в них очень недоставало чего-то, нам ещё привычного. И чем дольше наблюдать за ними, тем сильнее заметна разница.

При первом взгляде они представляются такими же, как и предки, они, даже, стали несколько крупнее: выше ростом, шире в груди. Большинство из них регулярно упражняются в различных видах спорта, и имеют подтянутое атлетичное сложение. Здоровье и внешний вид – ещё один идол, тоже более цель и смысл, чем средство к счастливому существованию. Многие из них носят бороды различных фасонов, отсылая к образам дальних суровых и мужественных предков. Бороды мужчин конца 21-го века аккуратно очерчены, подстрижены, приглажены, местами подкрашены.

В такое время, среди этих людей произошла следующая история.

На уличной спортивной площадке, примыкавшей к лесопарковой зоне, упражнялись мужчины – как говорилось, идея здорового образа жизни была одним из идолов. Все они, красиво сложенные и красиво одетые, опрятные, подстриженные, толпились на площадке с гимнастическими снарядами. Примыкавшая к площадке густо поросшая лесная зона ни сколько их не интересовала. Она никогда их не интересовала, хотя никто, никогда не заходил в этот лес. У них никогда не было интереса к тому, что лежит за границами их зоны существования, всего этого как будто и не существовало для них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.